

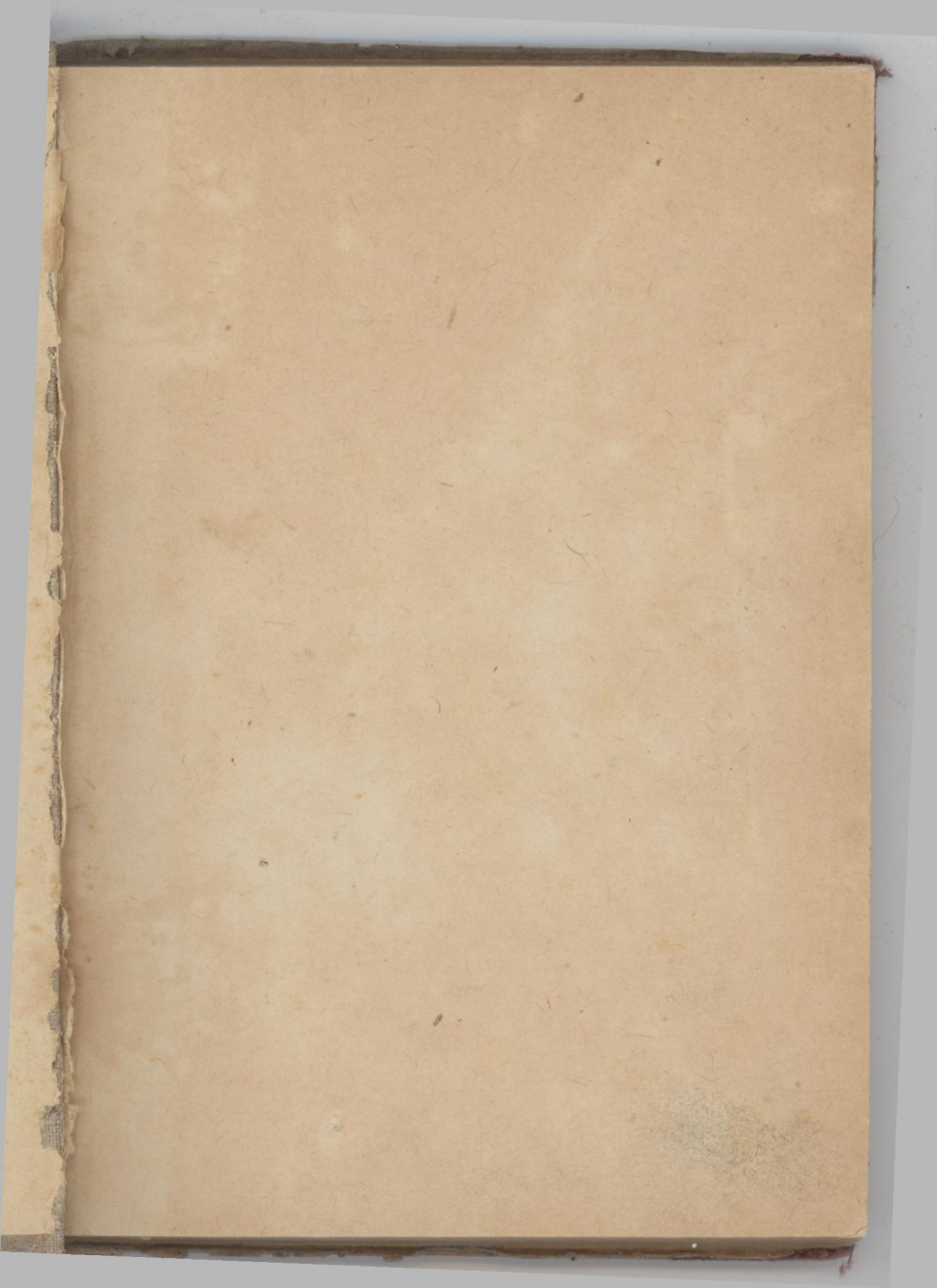
МОЛОДАЯ
ПЕРЕД

СЕМЕН КИРСАНОВ

1931

ГВАРДИЯ

ПОЭМОЙ

12

5.18

84-1

25641.

PK-1

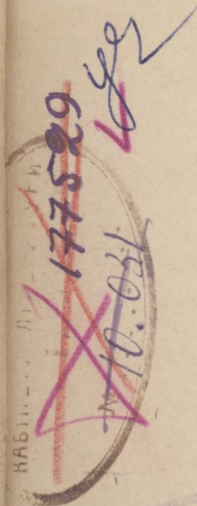
к
4.1891.71
N-X-43

81
СЕМЕН КИРСАНОВ

ПЕРЕД ПОЭМОЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ
1931

1310

Типография Изд-ва „Молодая
Гвардия“. Ленинград, В. О.,
5 линия, 28. Заказ № 4567.
Главлит № А-76956. Тираж
2.100 экз. Печати. лист. 4.

B32 278

Центральна наукова
бібліотека ХДУ

ІНВ. № _____

МОЕ ИМЯ

Ка = 43 —

на моем корешке,
в каждой рифмовке,
на каждом стишке,
в мыслях моих
наяву и в снах.

Ка = 43 —

это книжный знак,
Формула сделанных
мною дел,
Имя стихов моих
и поэм,

Все, чем я жил,
дышал и глядел,
все, что я делаю,
пью и ем.

Пусть я умру
и сгнию безымян,
Имя мое
в песок разотри!
Но сохрани
среди книг,
земля,
Формулу песни:
 $K = 43$.

$Ka =$ сорок три —
это слова взлёт,
слова не проданного
за злот.

$Ka =$ сорок три —
это звук земной,
 $Ka =$ сорок три —
проходи за мной!

Слушай, читатель!
В читальне дней
Длинный каталог
имен открыв,
Вспомни о песне,
скажи о ней:
— Дайте, пожалуйста,
К = 43!

В А М

Сегодня

пишу о вас это,
о вас
эти рифмы гудут,
родившиеся
в семнадцатом,
воспетом уже
году,
в году,
когда время
молнилось,
и виден тех молний
след, —

любому из вас
исполнилось
сегодня
тринадцать лет.
Для вас
необычно старое,
былых годов
шушера,
а то, что для вас
История,
для нас
еще вчера.
Вы были тогда
подгрозками,
а с нами
пришла гроза,
А прошлое,
по Покровскому,
видели
ваши глаза.
Цари...
Коронации...
Рыцари...
Городовой...

Господа...
Но это все
 за границую
и не придет сюда.
Никто из вас
 не был пухленькой
бебё,
 говорящей «бя»,
вы вместе росли
 с Республикой,
ровесники Октября.
Сегодня
 за школьной партою
вы слышите
 те слова.
Былое
 музей испартовый
покажет
 указкой вам.
Но помните:
 Были вылазки!
Осада,
 бои
 и смерть!

Вас грохот аврорин
выласкал

и выходил —

жить

и сметь!

Он грянул годам:

Не узиться!

И нам заказал,

трубя,

о будущих думать вузовцах,

ровесниках Октября,

о будущих Тимирязевых,

о Павловых

молодых,

Коммуной

векам заказанных,

ломающих

ночь и льды.

Заводы!

Гудений песенники,

смотрите:

идут сюда,

эпохи моей

ровесники —

ударники навсегда.

От детских

наивных дудочек

к нефтепроводам,

гудя!

Тринадцатилетнее

будущее,

я славлю

твои года!

Вздымайте

мосты и насыпи,

пустырь и степь,

заселись!

По рельсам

годов

тринадцати

вперед

на социализм!

МЮДОВСКИЙ МАРШ

На день,
на свет,
на сумрак
мы выльемся
в «юнгштурмах»,
играя наш
горластый
марш
на флейтах и на сурмах.
Страной
серпа и молота
зовя
фабричный гуд,

пусть
марширует молодость
в четырнадцатый
МЮД!

Иное время,
братики,
гудок времен
зовущ,
уже стоит
на практике
вчерашний
фабзавуч.

На опыте,
на стаже
стоим,
бойцами ставши,
мы — молодой
рабочий класс,
на опыте,
на стаже
испытываем
глаз.

Стоим,
в победу веруя,
сметая
ложь
и сны.

И легкой
кавалерии
углы врага
ясны.

Где старости
помада
скрывает
путь морщин,
ремонтная
команда...
идет
к винтам машин.

И, книги взяв
подмышку,
под хруст
ржанных солом,

осуществляем
смычку
и шефство над селом.

По всем
по странам
молнись,
под хриплый
вражий зуд,
пусть марширует
молодость
в четырнадцатый
МЮД!

Пускай бойскауты
моськами
дискантят
жалкий лай —
рядами
комсомольскими
панели устилай.

Пускай юнцы
католики

несут
христову тень,
затопчем
шаг их
тоненький
в Международный День.

Пуškai
сынкі эсдечы
мечтают
выйти в Носке,
мы их вспугнем
живым огнем
и шагом комсомольским.

Взвивайся, песня,
молнясь,
под сердца
верный гуд,
Пусть марширует
молодость
в четырнадцатый
МЮД!

БРИГАДА

Гуд-гуд,
перекат,
гуд ударных
бригад:
«Дрянь — враг,
брак — враг,
чтоб коммуна
строилась,
дай ниже,
ниже брак,
ниже себестоимость».
Вот гуд,
гуд зовет,

встань, ударный
завод:

«Тут крут
говор руд,
вагонетка
катится.

Дай выше,
выше труд,
дай выше качество».

Гуд, гуд
свежих гроз,
встань, ударный
колхоз:

«Дай, дай,
комбайн!

Все бугры
выровняй,
чтобы стал
весь край
коллективизирован».

Эй, гуд,
гуд сильней,
гуд ударных
дней,

62547/

дней-стай:

«Бей в сталь,
груз былых привычек скинь,
чтобы наш
день стал
социалистическим!»

МОРСКАЯ ПЕСНЯ

Замирай у морей,
 песня,
выйдя в стынущий рейд,
 пенься,
Ведь к родному ты
 стал
 морю,
где дредноуты
 сталь
 моют!
И, как их вымпела,
 пенься,

как они, запылай,
 песня!
У морей замирай,
 сердце,
под бушлатной стучи
 шерстью,
миноносочка, двинь
 стайкой,
где играет дельфин
 с чайкой.
Видишь, стынущий вал
 сверзся!
Поверни, как штурвал,
 сердце!
У морей сберегай
 слово,
видя вымпел врага
 злого,
чтоб на нас — не правей —
 дуло,
ты прочисть и проверь
 дуло.
Не ударило чтоб
 снова

в наши пристани бомб
слово.

Чтобы наших судов
тонны
смыли прошлых годов
стоны,
чтобы в нашей земли
стены
прошлых лет не брели
тени.

Не увяжется сталь
в тине,
мы, у пристаней став,
стынем.

Замирай у морей,
песня,
выйдя в стынувший рейд,
пенься,
у морей замирай,
сердце,
под бушлатной стучи
шерстью,
у морей сберегай
слово,

чтоб отбросить врага
снова,
чтобы наших судов
тонны
смыли прошлых годов
стоны.

СПАРТАКНАДСКАЯ ЛЕГКАЯ

Металлисты,
 токари
по Москве
 затопали.

Химики
 да резчики
шагают
 мимо речки.

Шагают?
 Так и надо.

Шагай,
 Спартакиада!

Разгони-ка
 неба серость,
Молодой
 ресефесерец!

Покажи,
 удар носка,
пролетарская
 Москва.

— Будем мы
 играться
с вами,
 ленинградцы!

Будем мы
 бороться
с вами,
 новгородцы!

Играем?
 Так и надо.
Играй,
 Спартакиада!

Смуглый
 да поджаристый,

с пальмой
да акацией —
Проходи,
Аджаристан,
пóд руку
с Абхазией.

Пронесись
в рост
пó-три —
наша жисть
кросс-
коунтри.

Проруби
рек лед,
наша жисть —
бег, лет...

Сапоги свои
стяни,
вместо
бриджей узких,
пифагоровы
штаны —

легонькие
трусики!

Вот уже
берет разбег
за татаринном
узбек!

Вместо
ветра,
в место
в это —

эста —
фета
эста —
фета...

В глазах моих
троится:
майки
да трусы,
команда украинцев,
узбеков отрази!

Пусть станет
чемпион

от бега да от скорости
краснее, чем пион!

Товарищ,
не ругайся.

Мы рады
уругвайцам —
по-дружески,
с улыбкою
вбиваем
им голы!

Вбиваем?
Так и надо!
Вбивай,
Спартакиада!
Тара-та?
Тари-ру!
нападай,
парируй,
Второй
хавтайм —
под блеском
мачт —

беги,
хватай
высокий
мяч!..

Пусть августовский
день соплив,
а мы на вышку,
мы—в заплыв.

Плывем?
Вот так и надо.
Плыви,
Спартакиада!..

СЛОВО К ВОЕВОДЕ

Воевода
Волыни,
Пане
ясновельможный!
Мы
услышали ныне
голос
важный
и мощный.
Что же?
Голосом этим
не смутиться
заводам.

Пане,
мы вам ответим:
— Не волинь,
воевода.
Если речи
такие
станут
явью военной,
мышцу
вытянет Киев,
Днепр
раздуется веной.
Если
черными ртами
пушки
плюнут,
отхаркав,
заводскими
рядами
встанут
Киев и Харьков.
Если тяжело
и хлестко
шашки

взвизгнут по кругу,
мы из
Днепропетровска
отведем
твою руку.
Воевода
Юзефский...
Зашуршали
колосья.
То за гранью
советской
ружей
многоголосье.
Над твоею
постелью
тяжестью
стопудовой
дымы черные
стелют
трубы
Лодзи
и Гдова.
Жмет кирпичная
толща

горла панского
 тесто —
то рабочая
 Польша
снится
 зиркам шляхетства.
То готовятся
 кресы,
к нам
 и к нашей кровине
тянут
 руки и рельсы
от Західньої
 Україні.
Это ждет
 белолицая
голубая
 Галиция,
как бы
 шире разлиться ей,
стать
 советской Галицией.
Ты не очень-то
 сетуй

и не плачь,
 воевода,
и не жалуйся —
 нету
ничего
 твоего там.

Наши сестры
 и братья,
братья Вислы
 и Дона!

Скоро будут
 убраты
злые колья

 кордона.
С нашей волей и славой
будет радости
 больше —

люди двинутся
 лавой

за советскою
 Польшей!

ВПЕРВЫЕ ЗДЕСЬ

Кружатся вагоны,
Дрожит паровик.
Он к этим прогонам
давненько привык.
А я в эти земли
въезжаю

впервой.

Колеса колотятся,
бьют

вперебой...

Веселое сердце поэта,
теплись!

От северных
чахлых
садов и теплиц —
огромным и звездным
путем паровозным
лети

угольком
на Тифлис!

Я север и юг
полюбил
одинаково.

Товарищу
руку подай,
амханагебо!

И слышу —
гремящее с гор
на откос —

ответное:
— Гапимарджос!

Ищи доказательств
вещественных,
что это
тебе,
путешественник:

Мечтая
о благостном
времени жатв,
Горы с горами
в обнимку лежат.

И небо
над скулами
древних пород
во весь голубой
улыбается рот.

Кура протянула
строке молодой
широкую
дружескую ладонь.

Удостоверяюсь
по сумме примет,
Что мне
адресован привет.

И я,
как письмо,
открываю вокзал.
Грузинские буквы
запели.

Но город
 не сразу себя показал:
Он узкие улицы
 вязью вязал.
Он гору Давида
 вознес
 два раза
И вдруг —
 из-за пазухи,
 щуря глаза,
вынул
 проспект Руставели.

Раскрыл проспект,
 сказал:
 дивись,
скачу
 шагами серны...
Так вот
 каким
 растет Тифлис —
под стать
 столицам
 северным.

Я злюсь
и, право,
не по пустякам:
я знал Кавказ
по чужим стихам.
И пробовал их
на вкус
и на вес
и вызубрил,
как грамматику.
Стихи!
уберите
свою романтику,
подайте
сюда ЗАГЭС!

Чтоб город
не дырой
зиял,
Цементом
облеките!
Чтоб небу
в зависть
он сиял

со спуска
Елбакидзе.
Чтоб там,
где склонов
пестрота,
еще тучней
брели стада.
Чтоб слаще прежнего
в стократ
курчавил грядки
виноград.
Чтоб льнули
руки фабрик
к стране
прямых и храбрых!

От длительной строфы
установ,
зрачки
я вскинул
карте,
и вижу:
небо,
дом

и «Штаб
краснознаменной армии».
Ее не скрутит
ураган,
и в дыме
дней осадных
отвагу
бросит на врага
краснознаменный всадник.
Вот так
под блеск оружия,
уклоны гор
звезда,
Из боя
вышла
Грузия
рабочих
и крестьян.

Я легкую песню
зову на юг
и славлю
крутую
страну мою,

и славу несу
высоко!

А ты
славословье мое
заверши,
заря,
встающая
из-за вершин,
сияющая
с Востока.

ПАМЯТИ Е. И. В. ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ¹

Отчего

не в трауре
город Тифлис,
губернский город
империи?

Отчего ни венков,
ни могильных таблиц,
ни розеток в петлицах,
ни перьев?

¹ Эти стихи написаны за два месяца до смерти бывш.
князя.

Отчего

не склоняется

у дворца,

вдалеке

от проулков грязных,

на верноподданнейшие

сердца

флаг бело-сине-красный?

Умер

известный великий князь,

предводитель

царева воинства.

Давайте же,

граждане,

не ленись,

вспомним

его достоинства:

У него на проспекте

был дворец,

люстры,

папахи, каски.

Но красные

взяли дворец

под арест.

Хороший дворец —
кавказский!

Племяша Коля
у князя был,
правда,
не вышел ростом.

Но вот —
по косточкам голубым
племянничек
пулям роздан.

У князя
армия была,
сабля,
кобур,
кобыла.

Была кобыла
и убывала...

(Я знаю все,
как было!)

Потом у князя
был аппетит:
под эмигрантское
браво
князь защищает

(потеет, пыхтит!)
престолонаследное
 право.
Прóбил час.
 И раскрыла
 двуглавая смерть
родовые
 черные крылья...
А у нас
 по Тифлису
 веселье,
 смех—
Первомайская
 мчит эскадрилья.
Эта смерть
 веселей
 «Жирофля-Жирофле»,
на стих бубенцами
 нашей ее!
Что толку
 в скончавшемся журавле?
Прощай,
 существо
 длинношее!

Когда
я прочел
последний стих,
пафосу выжав
столько,
начал со мной
разговор вести
редактор
«Зари Востока»:
«Здорово!
Браво товарищ,
но—

у нас
первомайский
номер...
Стихи горячи,
что наше вино.

Но
князь-то
еще не помер!...»
— Не помер?
Но я-ж не крематор!
Мне трупы
сжигать не дано.

Я чувствую
по аромату,
что он
разложился давно.
Я видел
сквозь строчек решотку,
как падала
в царство теней
эта
паркетная щетка,
наряженная
в шинель,
С толпою
слепых и увядших,
былое таща
за собой
в бесславия
мусорный ящик,
канализационной
трубой.
И лошадь его
не проскачет,
он
дело закончил свое.

Фадеев

о нем не расскажет,
и Жаров
о нем не споет.

А мы

по костяшкам скелетов,
изглоданных
смертью
живьем —

на легкую улицу
лета

живых

и свободных зовем.

Всемирная

голь перекатная!

Вздымайся,

бодра

и тверда!

Свободная

голь баррикадная,

в багрянцы

одень

города!

ИХ КОНГРЕСС

Солнце

вчера

обошло восток,

забыло привычку

солнце,

солнце взошло

под общий восторг

в Англии

из-за Свонси.

Покуда

рукой указуют

на крест

ораторы

улыбколицые,
теснит безработных
у входа в конгресс
английская полиция.

Среди

профсоюзных роз
и ветвей
и оппозиционных
терний

с трибуны
маститый поэт
соловей,

трещит руладами
Тернер.

Шахтеры

в сырости
угольных ям

жуют
зачерствелую корку,
конгресс
верноподданный фирмам
шлет
королю Георгу.

Покуда ждут
и стоят за дверьми
безработные
жены и матери,
проповедует Тернер
классовый мир
рабочим
и предпринимателям.
Хитро
завязана
речи петля:
«Окончен
голодный отдых!
Колониальные
каторги
для
желающих жить
безработных!»
Конгресс потрясен,
конгресс умилен:
Из рядов
четырех миллионов
пускай уходит
еще миллион

во славу
трад-юнионов.

Покуда Индию
давит ночь,

полуостров
пулями обдан,

конгресс
индусам

не прочь
помочь

своим долголетним
опытом.

Конгресс,
демонстрируй
дела свои:

опытом
слова пустого,

опытом
очковтирательства и

подавления
забастовок.

Конгрессского зала
цветет
ширина,

речей
 распалается
 жжение,
оглохло
 от Тернеровских серенад
английское продвижение.
Хикс
 смеется
 из-за плеча,
потом рабочим
 полит...
Бей их по клювам,
 разоблачай
лживость их,
 Гарри Поллит!
Покуда они,
 исключеньем грозя,
пускают
 клубы
 тумана,
слушайте,
 английские друзья,
товарища
 Тома Манна!

Пока не закрыты
 лживые рты,
пока
 изошряется
 Тернер,
Соединяйте
 сердца
 и ряды,
товарищи,
 в Профинтерне!

СИГНАЛ

Бочком
да тишком,
под ситцем
рубашек,
по комнатам
школ
прошел
Арцыбашев.

Не мелом,
не картой,
не легкой
указкой —

запахло
под партой
прическою
Чарской.

Не шаг пионерий
сверкает
под скаты,
а на перемене
гуляют
бойскауты.

Хорошенький
мальчик
к школьнице
ластится,
читает
журнальчик
«Мечта»
семиклассница.

Навесив
на форточки
блузки
и курточки,

смакуют
на корточках
«стыдные»
карточки.

Соперники
взорами
друг друга
заели.

Обиду с позором
смывают
«дуэлью».

*

Тут вопрос
не в пустой браваре,
я не даром
строкою вздрогнул,
прочитав
в «Комсомольской Правде»
фельетон
товарища Строговой.

Ведь недавно-ж швырнули
наземь

в пулеметном
огне и чаду
с опостылевших
стен гимназий
императорскую чету.

Неужели же
за игрою,
в переплетике
голубом —
завоеванное
кровью
подожмет
голубой альбом!

*

Сидит школяр.
До сих пор не вник
в простейшую
арифметику,
И тянет его
в кино,
в дневник,
к гусарскому
тянет ментiku.

Было-ж время.
Молебны,
балы,
серенькие мундирики,
воротнички девиц
белы,

Вот матерьял
для лирики.

«Спрячу записку
под дуплом,
будет Маруся
там итти,
И за медаль,
потом за диплом —
стол и мундир
в департаменте.

Ну, а теперь?
Куда зовет
учитель
по политграмоте?
В шахты?
На фабрику?
На завод?

Что-ж,
истязайте,
грабьте».

Кто их выучил
этак мыслить?

Кто это
их ведет?

Над детворою
нашей

повисли
юбки мамаш и тетъ.

Наших ребят
у Республики грабят,
до отдаленнейших мест
дети склеены
гуммиарабиком
дореволюционных
семейств.

Время
горячее,
Лоб
обожжен...

Нам ли
выращивать
напманам
жен?

Нам ли
стараться
локоны вить
для рестораций
шантанных
девиц?

Не оградить их
от ихней
родни —
станут
вредителями
они.

Что
запоем мы,
как в наши концы
встанут шпионами
эти юнцы?

Им не заплатами
век
щеголять,
им — спекулянтами
легче
гулять.

Выйдем же,
станем
на ихнем
пути,
лапы мещаньи
от них
отвести!

РОЖДЕСТВО

Рождество!

Веселись,

 православный народ,
за столовым вином
и закуской
вперед!

Снег на елках,

 на ветках галки.

Ну, и елки же,

 Елки-палки!

И, как символ

 рожденья

 младенца Христа,

на столе

госбюджетная водка!

О! Не водка — брильянт!

О! Не водка — хрусталь!

Сорок градусов

с перчиком —

вот как!

А у елочки — детки,

и каждый прирос,

каждый жаждет

взглянуть

в уголочек.

— Это, детка,

известнейший

дедка-Мороз!

А вот это —

в звезде

ангелочек.

Ангелочек —

восторг!

Ангелочек —

Мосторг,

не какой-нибудь —

кооперативный!

И глядит
на рождественский
этот восторг
сам Калинин
с увядшей картины.
Рождество Иисусово!
Ну, и дела-с!
И чего это
жрут
понапрасному?
У Ивана Молчанова
дочь родилась,
А ее рождества
не празднуют.
Пролетарский поэт —
не пустяки!
А дочурка —
будущность наша.
Дочка вырастет,
станет писать
стихи
и прославит,
быть может,
папашу.

Елки!

Звезды!

Напитки

МСПО!

Купола

в фиолетовом
звоне!

Может, кто-нибудь
эту тоску
воспоет,

только я

от тоски
завою!

Окружая веселием
елочный ствол,

Как орехи
на ветки
вешаться?

А по-нашему,
праздновать
рождество —

значит праздновать
рабство
с невежеством!

То —

под звуки отрывек
и пьяных икот —

наступает

в исходе года

поповский

антикультурный

поход

против нашего

культпохода!

А мы,

идушие

с КИМом,

в рождественские

дни,

своих станков

не покинем

для праздничной

суетни!

Елки

сухая розга

маячит

в глазища

нам,

По шапке
деда Мороза,
ангела —
по зубам!
Грудь
дыханьем
расперта,
в беге лыжном
живом —
Праздником
Зимнего
Спорта
эти дни
назовем!
Шире
дыханья
и руки,
на молодых
парусах,
мимо
жалкого хрюка
рождественских
поросят!

ТРЕВОГА В ЛАГЕРЕ

И до чего же
она хороша —
почка
палатки брезентовой.
Ливень не мало
ее орошал
грохотом
грома рассветного.
Солнце ее
осушало до тла,
звезды ее
проглядели до дыр.

Стала палатка
суха и светла.
В сотнях палаток
ходынской орды...
Ночь фиолетовым
окаймлена
поднятой к небу
рукою млина.
Клонит траву
и деревья прямит,
и наклоняет
штыки пирамид.
Так вот бивак
Бонапарта синел,
спал и тревогой
томился...
Так вот и спит,
наваливши шинель,
красноармеец Камызов.
Спится Камызову
сон густой,
жар —
головую
в тонку.

Будто его
 вызывают в строй,
а он —
 не найдет винтовку.
Всю пирамиду
 переглядел,
все номера
 перетрогал.
Тонет Камызов
 в сонной воде...
«Что же...
 если тревога...
Я ли тебя,
 трехлинейка-друг,
спанивал
 желтым маслом.
Я ль не жалел
 ни тряпок ни рук,
нежно к прикладу
 ластился...»
Небо молчит
 и звезды молчат,
звезды,
 слепые глаза волчат,

верят — не верят веки —
нету его
трехлинейки.

И тут наяву,
палатку вздувая,
дернул бойца
рывок...
Труба потянула
тревожно:

«вставай-а...»
звуком, полным тревог...
Трево-га-а...

В три бога
ругая сны,
продрал Камызов
шторки
и совывать начал
руки в штаны,
а ногу — в рукав
гимнастерки...

И чорт его знает,
каким фертом
он вылетел пулею
к пирамиде...

— Сапог позабыл!..

— Надену потом.

Винтовка пропала,
поймите!

Винтовка 120-407

Ижевского завода.

Сверкала во-всю,
во всей красе
торча в пирамиде
взвода.

И моментально
к палатке
с ней,

радостный —
нет выражения.

Влез Камызов,
стянул тесней
полное вооружение.

Строился полк.

На Ходынский плац
сонные роты
вышли.

Стали.

Голодных затворов клац,

впрочем, головы выше,
и на лошади
боевой,
вросший
в седло компактно,
въехал товарищ комбат.
Его

знали мы за комбата,
но на сегодняшний
поход
комбат назначен
командующим.

Утро всходило
на спинах пехот.

Утро тянуло
ландышем,
тонкий туман над Ходынской,
полог
облачного жасмина...

Впрочем, довольно пейзажей,
— Полк,
смирно!

PICTURA!

А. Родченко

Вельветные блузы раздувши,
несут живописцы столиц
с кистями, воткнутыми в уши,
палитры пылающих лиц.

Выходят под ручку с картиной,
маслами разя на версту,
на калейдоскоп москательной,
на вывески пестрой звезду.

Шагали такие же раньше,
столетье и больше назад.

Закат подымался оранжевый
у оранжерейных мансард.

Поношены брюки, и округ
библейских не требует сцен,
а требует сурик и охра
для крыш домовитых и стен.

И тубы, и кисти, и банки
тоскуют на вышках мансард,
и бархат,

и шляпы,

и банты

относятся ветром назад.

По улице, в снежном сиянии,
за галереи старья,
трехногие, как марсиане,
качаясь, идут мастера.

Их черные головы, ширясь,
темны, словно небо в грозу,
холодный сужается ирис
в единственном ихнем глазу.

Черно. И ложатся, как диво,
пунцовые руки на стол,

на зимнюю ночь негатива,
опущенного в метол.

Остро мастерство конкурента,
а выставок холод постыл,
перед бромо-серебряной меркнут
повапленные холсты.

И толпы художников тощих
глядят на зеркальную быль,
как смотрит понурый извозчик
на мощный автомобиль.

Снимаю! Так пристальней целься,
трехногий, лобастый циклоп,
Тенар пронизательный Цейса,
вбирающий
жизнь
в стекло!

V ЧУДЕСНЫЙ БИВУАК

У этой сказки — была сестра
(хоть сказка — ложь, признаться!)
Собрались как-то у костра
солдаты разных наций.

Француз — веселый человек,
прибрел беседу ладить,
в короткой юбке смуглый грек
и клетчатый шотландец.

В тюрбане скрученном индус,
германец в бескозырке,
поляк крутнул белесый ус,
британец спичкой чиркнул.

И немец молвил: «*Lieber Freund!*»
мы сели дружным кругом,
но вдруг приказ, и нас на фронт:
Пали! Коли друг друга!

Пускай не видеть Рейна мне,
но если снова быть войне —
ударю пулей первой
в своих же офицеров».

А грек промолвил: «В эти дни
мы тоже будем не одни,
ребята не из робких.
Мы скажем: Знамени не трожь —
Бросают генералов в дрожь
консервные коробки».

Поляк сказал: «Да мы-б сейчас,
и только ждем сигнала.
Полна пилсудчиками часть,
Иуд, поди, не мало!»

А то бы крикнул: лопай
лапшу в свинцовой бане!
Попробуй пулю хлопа,
ясновельможный пане».

Британец крикнул: «Да, дела!
Король не двинет усом,
когда пройду через тела
полковников с индусом».

Оперся на ружье француз:
«Пусть муштрой нас зажали,
мы не пойдем в защиту пуз,
хоть прочат нас в ажаны.

На штык хотя бы сатану.
Parbleu! А если надо,
у стен завода садану
штрейкбрехера прикладом».

Шотландец молвил: «Поглядеть —
дела буржуев шатки,
придется, видно, нам надеть
буденовские шапки.

Такой по мерке нам фасон,
его нам время сшило.

А ты (на немца глянул он)
ты — чем не Ворошилов?»

Хоть неизвестно, где и как
собрались эти люди,

чудесный этот бивуак
еще, конечно, будет!

Послав под свисты пуль вдогон
плевок патриотизму,
они посетителей погон
штыком к земле притиснут!

1929

МОСКВА ПЕРЕВЫБОРНАЯ

✓ По обыкновению
жег мороз.
Вечер сизой тенью
рос и рос,
По дороге скользкой
скрип саней,
вечерок московский
все синей.

Вдруг у Моссовета
брызнул блеск,
блеск на море света
струей полез,

и, не удержавшись
в моей руке,
вырвалась ракета
за стаей ракет.

То, что мы увидели,
гудит за века:
громкоговорители
на грузовиках.

Мы выходим глыбами
за каждый дом,
Все на перевыборы
идем, идем!

Металлисты, токари,
жизнь велика,
с нами нынче топает
наш делегат.

На четыре стороны
несем знамена,
самые достойные
их имена.

Пусть лишенцы плакали
в блузы нам, —

выше, выше факелы,
простор огням!

✓ Пламени побольше,
поярче свет,
Побольше рабочих
в Моссовет!

Литейщики, резинщики,
в выборный день
у себя разыщете
лучших людей.

Никакой апатии,
грудь выпирай!

Лучших из партии
в совет выбирай!

Комсомольцы носят
в руках огни,
крепкие и рослые
идут они.

Слышишь, зазвенели
грохоты труб —
серые шинели
идут на ветру!

Над городскими глыбами
 (дома жернова)
качается предвыборный
 шум — карнавал.
Пламени побольше,
 поярче свет —
 побольше рабочих
в Моссовет!

МОСКОВСКАЯ ЛЕТНЯЯ

Солнце

снова

магний

молний,

у Страст-ного

варят

смолы.

Лоб

отмечен

солнцем

с потом,

струи

мечут
из
брандспойта.
Жар шумит,
нарастая,
Просит весел
Тверская.
Помоги,
сельтерская
Или простая!
— Здравствуй,
Клава!
— Здравствуй,
Сеня!
Выйдем
плавать
в воскресенье.
Воздух
свежий
полнит
парус,
стремай
вещи,
а я

скупаюсь.
Ах, водица-дица-дица,
за волну
ухватиться,
хороша,
ух, водица...
все как водится...
Бросим
перья,
во-зьмем
косы,
мы
теперь
прем в колхозы.
В скверах
дрогнет
тихий
гравий,
слышен
рокот
типографий.
— Мас-ква
вечерня,
речь

Чи-черина,
съезд
Озета,
Мас-ква
газе-та—
От Арбатского
рынка
до Смоленского
рынка,
до Центрального
рынка,
до Зацепского.
Эх, Москва, живи
речкой
скважиной,
плохо
сквашенной,
да ладно
слаженной!

ГОВОРЯЩАЯ КУКЛА

В игрушечной лавке, лишь дверь открой,
глаза оттопырив кругло,
рядом с военно-морской игрой
живет говорящая кукла.

Ее никакие сны не томят,
стоит с белокурой чолкою,
она — гуттаперчевый автомат,
шнурок на затылке шелковый.

Блошки. Бирюльки. Шашки. Мячи.
Приходят дети и прочие,
обращаются к кукле. Она молчит,
она до слов не охочая.

Но старый мастер дернет шнурок,
откроет какой-то клапан,
и, рта не открыв, забытый урок
вспоминается кукле:

«па-па,
ма-ма,
люб-лю
кук-лу,
серд-це,
ти-кай
ти-ха, ти-ха.
Ча-сы, ти-кайте,
дайте жиз-ни,
стрел-ки, ти-кайте
в ме-ха-ни-зме...

В механизме изъянов нет,
от детских рук сберегая,
игрушечный мастер продаст кларнет,
но куклу нет. Дорогая.

Маски. Глина. Стихи Маршака
ребятам скупают мамы,
а кукла не продана! В легких шелках
она живет для рекламы.

Игрушечный мастер довольно стар,
ему назначили пенсию,
и куклин рот навек перестал
петь белокурую песню.

Но нужно-ж детям узнать секрет:
парик ее разворачивая,
искали кнопки. А кнопки нет.
Молчит. Молчит. Говорящая.

И, в рот вязальную вбив иглу,
в затылок стукнули глухо,
и слышал каждый, кто не глух,
как заговорила кукла:

люб ма,
лю па
дце сер,
кайти,
ти се-ка ти ти
зинь жиз да тий,
часи ки лопнули,
куклины ча-си...

Последнее ти, последнее жинь,
внутри зашнело и стукнуло,
с последним треском ее пружин

умерла говорящая кукла.

О кукле не очень тревожусь я,
могу грустить по воробышку...
Но дергают часто в процессе житъя
меня не за ту веревочку.

Широк не очень-то сказки масштаб,
другие сказки выращивая,
живи, погибай, и рождайся мечта,
кукла моя говорящая!

2 от.
2 куклы (1 кук.) 4-

ПОД РУБРИКОЙ «ПРОИСШЕСТВИЯ»

На самой заре
в квартиру врача,
захлебываясь в мокроте,
туберкулезный дождь
в окно стучал,
звонил, кричал:

«Откройте!»

Никто не решался
дождю открыть,
все говорили:

«Какая прять!»

Как вор,

как чужая кошка,
он может пролезть в окошко!»

Портретом

дождь стоял в окне,
держась руками
за рамы,
стучал, просил:

«Откройте мне,
я болен,
я изранен!»

Рябой от оспы,
сер и тощ,
с окном прощаясь навек,
по водосточной трубе
спустился дождь,
упал, пополз по канаве.

На утро,
после всей кутерьмы,
написала

газетная крыса:
«Преступник такой-то
бежал из тюрьмы
и куда неизвестно скрылся».

Б И Т

В соломенной туче
 стоит изба,
и ставень дубовых
 груба резьба.
Влажна сосна
 и обструган дуб,
и суше береза
 девичьих губ.

Мать причитает,
 а дочь одна,
в печи изразцовой
 поет огонь,

на бедрах —
подпалины полотна,
на скатерти —
яства и самогон.

Невеста гадает,
глядит в ведро.
Ковш выплывает, —
а где Петро?
Ковш утопает, —
Петро далек.
И сердце —
гаснущий уголек.

Затеplen ладап
и отперт ларь,
и дернуть веревку
готов звонарь.
У темной иконы
дымок-снегирь,
и у иконы
стоят мясники.

Один мясник —
ее жених,

отец невесты —
 другой мясник,
и, как волов
 ведут на убой,
они ее
 ведут на любовь.

В соломенной туче
 стоит изба,
постели дубовой
 груба резьба,
мягка подушка,
 обструган дуб,
но тягостней нет
 нелюбимых губ.

ВРЕМЯ

Издrevле и искони
избами российскими
правят перуны,
громоздят буруны
дажъ-божьим велееньем
под пенъем елейным.

У Буга и Лабы
каменные бабы.

Ходит конь у Ильменя:
— Витязь, ты поил меня,
я с тобой без усталости
долечу до Суздали!

Качается вече,
на гуд человечесий
с азбукой выходят
Кирилл и Мефодий.
Горести выплакивают
ветры и вьюги,
верблюды выволакивают
сундуки и вьюки.

В заморозках, в тайнах,
в заморских кафтанах,
с Сены и Темзы
едут иноземцы.

Лица восковые:

— *Fiat*

Moskowlal

Бубенчики и бархат
в бревенчатых хибарках.
Нунциевы митры
гнутся перед Димитрием.

Кулак коруэл..
В медвежьей охоте
Княжая Русь
медведем отходит.

А други Стеньки
за птичьим писком:
— «Вздымай брамстенъги
на море Каспийском!»

Вяжет усобья
царевна Софья,
сколачивает бот
Инператор Петръ.
Туман по земле,
по бисеру вод,
в свечах ассамблей
Россия плывет.

Атлас и куртины...
От глаз Екатерины
за горы, за Альпы
вытянуты залпы,
вплавлен в ядро
Чесмена-Дидро.

В тулупе заячьем
яицкий козаче
метнул дубьем
в царицын убор

и лег, убиен,
под царицын топор.

Сел на барабан
Наполеон Бонапарт,
смотрит с мостка —
...сгорела Москва...
выжгли

вышки...

Царь не побрился,
приговор скрепил,
везут декабристов
в Сибирь, в Сибирь.
Знает ямщик —
саван им шит:
Визг бубенцов,
воздух свинцов.
Агенты сыска...
Дождик идет.
Бомбу курсистка
в муфту кладет.

Страшнее нашествий
зевак толпа.

Кто? Чернышевский
стоит у столба.
Сыщик, доносчик,
Золото плеч,
Победоносцев,
«Русская Речь»...

Идут на маевку
по тайной тропе,
ни шелкни, ни еки —
РСДРП.

И взорваны крупы,
у трупа сестрица,
снарядами Круша
несутся австрийцы.

И над паркетом
тройных зал
небо тронул
Аврорин залп.

*

Вот и весь
песни вес.
Живешь, живешь,
хлеб жуешь,

а глянешь на свет,
станешь в окне,
и тысячи лет
нет как нет.

1927

СТУДЕНЧЕСКАЯ

(Из этюдов о Марксе)

Пора греметь,
 литая медь,
Играйте, тромбоны!
Студенты дней,
 вперед за пей,
за тенью времен!
Умом блестеть
 у боннских стен,
у граней Сорбонны —
Веков ума,
 качнув дома,
касается Бонн.

В каморках их,
сырых, немых
звенит мандолина.
Иисус распят
под блеск эспад
в дуэльных ночах.

И им в глаза
шумят леса
И Рейна долина.
И Карл сидит
стихов среди,
письма не начав.

Европа спит
в тиши резьбы
гостиных и спален.
Отбросил он
«Лаокоон».
И выброшен Клейн,
он грезит лишь,
мечтает лишь
о Женни Вестфален,
который год

его гнетет
студенческий плен.

А Трир вдали,
где тишь долин,
где готика пихты,
его глазам
струной казарм
качнулся Берлин.

— Пройдя иде-
ализма дебрь
от Канта до Фихте,
в земле божеств
искал уже
и в мыслях бурлил.

Листы стихов,
куски новелл
я предал сожженью,
не спал, ходил,
мечтал, кипел,
и в вирши — опять!

В наплыве чувств
хожу, томлюсь
болезнью Женни,

хотел порвать
с семьею муз,
но трудно порвать.

Но Карл не смог
довести письмо...
Звенит мандолина.
Он сам распят
крестом эспад
в дуэльных почтах.

Ему в глаза
шумят леса
и Рейна долина.
Пора светлеть,
кончает тлеть
студента очаг...

В Е К

Если помыслы века
и мои, твои, и чужие —
это — рифмой поверка,
и значенья ее не шаржируй.

Это слово к прошедшим
двадцати девяти годовалым,
а дальнейшим — расчерчен
план пути тьмою тем готовален.

Девятнадцатый, звездный
Эдиссоновский, канул в высоты
в девятьсот девяносто
девятом, родив девятьсотый.

После долгой и поздней
новогодней шумихи, работы,
запакованы по сто
и сданы на хранение годы.

Окружают двадцатый
бакенбардные бурские фуры,
сюртуки полосаты
и уменьшены пуфы у фурий.

Выключатель повернут,
от машины отстала кобыла,
все проходит по Верну
то, что раньше по Диккенсу было.

Ты чему научилось,
о, столетье, идущее мимо?
Если твой Наутилус —
сумбарина, грозящая миной?

Твой Робур-Победитель —
бомбовоз двухмоторный Фармана!
Для того ли будить их,
пожелтелые листья романа!

Средь чужих и зловещих
изобретений этого века

изобрел человечек,
то есть просто родил человека.

Часовая Женева,
снеговые сугробья Симбирска
стлали землю и небо
молодому редактору «Искры».

Век, ушедший за четверть!
Надо-ж как океану прогреться,
чтоб столетье расщедрить
на махину такого прогресса,

Этот двигатель воли
перекрыл бы напор Ниагары...
Рос ты не для того ли,
век технических масел и гари?

Вот где просится в строчку
стихотворная слабость и нежность --
про пиджак и сорочку,
про такую обычную внешность...

Вдохновение — к чорту!
Взявши диалектический метод,
на костяшках подсчетов
мы увидим, как тянется этот

тронам стоивший жизни
век, вздымающий вышки ad astra,
век сплошных катаклизмов,
гулкий век социальных катастроф,
в свисте мин и снарядов,
в ливне пуль и в шрапнельном потоке,
в нимбе яростных радуг
к солнцам осуществленных утопий!

1929

ДОЧЬ РАБОТНИКА

(Жюль Жуй)

Румяно, бело, златокудро, черно ли?—
Дитя мечты!

Оно появляется с воплями боли—
Товар нищеты.

Растрепка, обсасывая свой палец,
В соплях до локтей,
Поганкой растёт, к тушикам прилипая,—
Товар площадей.

Едва пятнадцати лет метнулось
Оно туда,
Где фабрику рвёт от машинного гула—
Товар труда.

Цветок мускулистых уже опадает,
Но свеж, цветет!
В дыре коридорной ее расстлевают—
Товар для господ.

Ни черта не имея для жвачки, сгнивши
до мозга костей,
Оно поступает в кабак пониже —
Товар для гостей.

И как-то вечером — стыд, обида!
Падение в ров!
Оно за два франка ложится кульбитом —
Товар нумеров.

И ниже скользит, и старея пылится,
Билет готов.
Оно регистрируется в полиции —
Товар для котов.

Когда-ж «без билета» работает дома,
Мясо! Корми!
Ее отшвыривают на солому —
Товар для тюрьмы.

И пытка болезни длится и длится,
старей и горчей,

Оно догнивать доползает к больнице —
Товар для врачей!

И наконец, окунувшись в потемки,
желчь осуша —
сдыхает! И режут дитя в анатомке —
Товар для ножа!

Господа! Легионы Гелиогабалов!
ждите дрожа,
Когда мы вас грохотом залпов повалим —
Товар для ружья!

Чтоб обсосали вас песьи стаи —
на тротуар!

Им вашу мерзкую падаль оставим —
Адский товар!

РЕСПУБЛИКА

(Фрейлират)

Республика! Республика!
О, бог, вот это драка!
Das war ein Sieg, aus einem Stuck!
То был бросок! Республика!
и все в три дня, однако!
Республика! Республика!
Vive la République!
Ретпублика! Республика!
Как мчатся вести скорые,
единый взгляд, и вздох и миг,
Ein Handumdrehn! Республика!

Вот так творит история!
Республика! Республика:
Vive la République!

Республика! Республика!
Так бастион берется!
Проход в стене штурмует штык,
Республика! Республика!
И наше знамя вьется,
Республика! Республика!
Vive la République!

Республика! Республика!
Мы снизу, в ожидании:
— В пролом за нами!—с вала крик—
Не отставать! Республика!
При факельном пыланьи —
Республика! Республика!
Vive la République!

И с этих пор—Республика.
Есть на земле два стана
Die Freien mit dem kühnen Blick,
Die Sklawen, um den Hals den Strick!
Решайте-ж, неустанно,

Республика! Республика!

Vive la République!

Да здравствует Республика,

Республика Советов!

Nur festner Bund zu Lieb und Glück!

Nur Bruderschaft! Die Republik!

Мы все умрем за это!

Республика! Республика!

Vive la République!

Лондон 1848 — Москва 1930

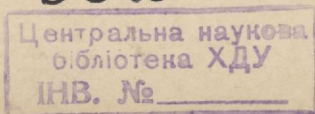
СОДЕРЖАНИЕ

« Мое имя	3
« Вам	6
« Мюдовский марш	11
« Бригада	16
« Морская песня	19
« Спартакиадская легкая.	23
« Слово к воеводе	29
« Впервые здесь	34
« Памяти е. и. в. великого князя Николая Николаевича	42
« Их конгресс	49
« Сигнал	55
« Рождество	63
« Тревога в лагере	69
« Pictura!	75
« Чудесный бивуак	78
« Москва перевыборная	82

Московская летняя	86
Говорящая кукла	90
Под рубрикой „Происшествия“	94
Быт	96
Время	99
Студенческая	105
Век	109
Дочь работника	113
Республика	116

B32 278

1777.

1777

1777

